

АЛЕКСЕЙ МЕЛКОВ

НАСЛЕДНИКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

16+

Алексей Мелков

Наследники

«Автор»

2026

Мелков А. В.

Наследники / А. В. Мелков — «Автор», 2026

После смерти Родиона его дочерям достаются не только имущество и крупные требования к должникам, но и незаконченная борьба за правду. Спорные расписки на десятки миллионов, противоречивые экспертизы, доверие к людям, обещавшим «решить вопрос», уголовный процесс и годы судебных инстанций превращают наследственный спор в историю о семье, памяти и цене доказательства. «Наследники» — документальный роман о том, что происходит, когда умерший уже не может ответить сам, а живым приходится защищать не только деньги, но и авторство его последней воли.

© Мелков А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОСЛЕ НЕГО	6
Глава 1. Ключи	6
Глава 2. Реестр долгов	10
Глава 3. Сильный человек	14
Глава 4. Первый треск	21
Глава 5. Новый адвокат	25
Глава 6. Десять и пятьдесят	30
Глава 7. Эксперты	33
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БУМАГА МЕРТВОГО	37
Глава 8. Последняя страница	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Мелков

Наследники

От автора

Роман основан на материалах реальных судебных споров и личном опыте их участников. Фамилии всех персонажей и участников событий, кроме фамилии автора, изменены. Названия части частных организаций, отдельные адреса, номера производств и некоторые второстепенные обстоятельства изменены или обобщены. Диалоги, внутренние монологи, бытовые сцены и композиционные переходы художественно реконструированы. Спорные утверждения о действиях, мотивах и возможном влиянии передаются как версии участников, содержание документов либо художественная реконструкция; они не являются самостоятельным утверждением о виновности конкретного лица, если такая виновность не установлена вступившим в законную силу судебным актом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОСЛЕ НЕГО

Глава 1. Ключи

Человек умирает однажды. Для тех, кто остается после него, смерть повторяется много раз: когда в коридоре перестают стоять его ботинки; когда нотариус произносит слова «наследственная масса»; когда телефон, который прежде мог зазвонить в любую минуту, лежит на столе и молчит так долго, что его молчание становится отдельным предметом в комнате.

Утром после похорон Арина нашла отцовские ключи в чашке на тумбе у двери. Родион всегда бросал их туда, хотя Наталья много лет ругалась, что однажды он вывернет чашку, разобьет ее и сам же наступит босой ногой на осколок. Ключи лежали, как лежали тысячу раз: длинный от нижнего замка, короткий от верхнего, брелок от машины, маленький непонятный ключик, назначение которого никто, кроме отца, не знал. Арина взяла связку и сразу положила обратно. Металл был холодный и совершенно безразличный к тому, что хозяину он больше не понадобится.

Она жила с отцом. Это обстоятельство после его смерти неожиданно стало важнее всего остального. Ирина, старшая сестра, уже была замужем и давно жила отдельно. Наталья с Родионом развелась несколько лет назад, но развод у них оказался странным: они перестали быть супругами и не сумели стать чужими. Родион по-прежнему звонил Наталье, когда хотел пожаловаться на давление, когда сердился на младшую дочь, когда не мог найти какую-нибудь бумагу, которую сам же переложил. Иногда приглашал поужинать, и они спорили точно так же, как спорили в браке, только теперь каждый после спора ехал к себе.

Наталья приехала в квартиру рано. Сняла пальто, прошла на кухню, открыла холодильник — будто имела на это прежнее право, — и застыла.

— Опять этот сыр, — сказала она.

Арина сидела за столом, не притронувшись к чаю.

— Что?

— Он всегда покупал слишком много. Я ему говорила: пропадет. А он: «Не пропадет, я съем».

— Мам.

— Что?

— Ты сейчас про сыр?

Наталья закрыла холодильник и прислонилась к дверце спиной. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Наталья вдруг закрыла лицо ладонями и заплакала — тихо, без звука, как плачут люди, которые слишком устали, чтобы рыдать. Арина подошла, обняла мать. Так они и стояли посреди кухни, среди пачек масла, недопитой минералки и отцовского сыра, который действительно уже никто не съест.

Ирина приехала к полудню. Она принесла две большие папки и пакет с какими-то справками, которые муж помог распечатать накануне. Сняла обувь, посмотрела на сестру и мать и сразу спросила:

— Вы ели?

— Началось, — сказала Арина.

— Я нормально спрашиваю.

— Она с утра сыр проверяет, ты теперь еду.

Наталья подняла глаза.

— Не ругайтесь.

Ирина положила папки на стол.

— Нотариус сказал собрать всё, что есть по имуществу и обязательствам. Я нашла документы на помещения и несколько договоров. Там большие суммы.

Слово «большие» в тот день звучало почти неприлично. Умер человек, а они сидели и считали его деньги. Но именно так устроено наследство: горе приходит без описи, а государство требует опись.

Вечером кухня превратилась в архив. Свидетельства, выписки, договоры аренды, старые доверенности, документы на нежилые помещения. Родион оставил значительное имущество. Часть объектов сдавалась сетевым арендаторам и приносила стабильный доход. Были и долги — не его, а ему. Деньги, которые он давал другим людям под проценты и обеспечение.

— Семьдесят, — сказала Ирина, читая договор.

— Что семьдесят?

— Миллионов.

Арина подняла голову.

— Кому?

— Даниш.

Наталья сразу вспомнила фамилию. Родион упоминал эту женщину. Не часто, но достаточно, чтобы имя осталось в памяти.

Ирина положила договор влево и открыла следующий.

— Здесь девяносто.

— Кому?

— Харовой.

Девяносто миллионов были обеспечены залогом нежилого помещения. По бумаге всё выглядело надежно. Родион любил залогом. Он не доверял фразе «отдам обязательно», если рядом с ней нельзя было поставить печать, подпись и кадастровый номер.

— Есть графики? — спросила Наталья.

— Есть какие-то листы с платежами.

— Давайте отдельно.

Она вдруг заговорила голосом, который дочери хорошо знали по временам семейных кризисов. Не громче обычного, но жестче. Наталья всегда спасалась действием. Пока можно было что-то разложить по папкам, подписать, позвонить, найти, она держалась.

К полуночи на столе лежали четыре стопки. «Недвижимость». «Аренда». «Даниш». «Харова». Отдельно — то, что пока не понимали.

Арина встала, чтобы убрать кружки, и снова увидела ключи в чашке у двери.

— А это куда? — спросила она.

Ирина не поняла.

— Что?

— Ключи.

Наталья посмотрела на связку.

— Оставь.

— Зачем?

Никто не ответил.

В ту ночь Арина спала в своей комнате, а за стеной оставалась спальня отца. Несколько раз она просыпалась от ощущения, что там кто-то ходит. Дом умеет долго хранить привычки людей: скрипит доска, щелкает батарея, падает на пол плохо поставленная книга. Раньше каждое такое движение имело объяснение. Теперь вся квартира состояла из звуков без хозяина.

Перед рассветом Арина вышла на кухню. На столе лежал договор займа с Харовой. В верхнем углу — подпись отца. Простая, уверенная, знакомая. Она провела пальцем над линией, не касаясь бумаги.

Через несколько лет эту подпись будут увеличивать, сравнивать, накладывать, измерять. Эксперты будут говорить о темпе, нажиме и координации движений. Судьи — об относимости, допустимости и достоверности. Адвокаты — об источниках образцов. Но сейчас это была просто подпись отца.

Арина закрыла папку.

Она еще не знала, что именно эта линия чернил однажды станет центром их жизни.

* * *

На следующий день после похорон пришлось разбирать одежду. Это оказалось труднее нотариуса. Нотариус говорил о правах, и у языка права была полезная бесчувственность. Рубашка на спинке стула никакой бесчувственности не имела.

Арина взяла отцовский пиджак и машинально проверила карманы. В одном лежала чековая лента из магазина, в другом — маленький пакетик с таблетками от давления. Она положила всё обратно.

— Выбрасывать? — спросила Ирина.

— Ты с ума сошла?

— Я не говорю сегодня. Я спрашиваю вообще.

— Вообще тоже нет.

Ирина вздохнула. Ее способ переживать горе был практичным, и из-за этого младшая сестра временами ненавидела ее. Арина хотела, чтобы мир хотя бы несколько недель ничего не требовал. Ирина уже думала, куда девать вещи, какие документы нужны, кто будет платить коммунальные счета.

Наталья услышала спор из кухни.

— Ничего сегодня не выбрасываем.

— Я и не собиралась, — сказала Ирина.

— Тогда зачем спросила?

— Потому что когда-нибудь придется.

Это слово — «когда-нибудь» — стало первым напоминанием, что жизнь после смерти Родиона предполагает будущее. Арине оно не понравилось.

Вечером пришел сосед. Принес ключ от общего щитка и сказал, что Родион просил электрика посмотреть автомат в прихожей.

— Я могу сам вызвать, — предложил сосед.

— Вызовите, пожалуйста, — сказала Наталья.

После его ухода Арина неожиданно рассердилась:

— Даже автомат он не успел починить.

Наталья посмотрела на дочь и поняла, что та злится не на автомат.

— Имеешь право.

— На что?

— На всё, что сейчас чувствуешь.

— Даже на него?

Наталья не сразу нашла ответ.

— Даже на него.

Это было, возможно, первое полезное разрешение, которое мать дала дочери после смерти отца: не превращать умершего в святого только потому, что ему уже нельзя ответить.

* * *

На похоронах Наталья почти не плакала. Это заметили родственники, хотя никто ничего не сказал. Она стояла рядом с дочерьми, принимала соболезнования, отвечала на одинаковые вопросы, благодарила людей, чьи имена потом не смогла вспомнить. Плакать оказалось делом, которое требовало свободного времени, а у нее его не было.

Кто-то спрашивал, нужна ли помощь с машиной. Кто-то — куда привезти цветы. Кто-то хотел поговорить о деле, которое Родион «почти закрыл». Наталья несколько раз резко отвечала: не сегодня.

Ирина держалась рядом с матерью. Арина периодически исчезала, и Наталья находила ее то у стены, то возле машины, то рядом с людьми отца, которых девушка почти не знала. Каждый подходил и говорил: «Твой папа был...», а дальше следовало определение — сильный, надежный, непростой, настоящий, жесткий, щедрый. Арина слушала и чувствовала, что все эти люди описывают разных мужчин.

После кладбища вернулись в квартиру. На кухне оказалось слишком много еды: кто-то привез пироги, кто-то салаты, кто-то контейнеры, которые никто не открывал. Люди постепенно уходили. Около полуночи остались только трое.

— Я не могу здесь спать, — сказала Ирина.

Арина посмотрела на нее резко.

— А я могу?

— Я не это имела в виду.

— А что?

— Я просто... Мне тяжело.

— Всем тяжело.

Наталья поставила стакан в раковину.

— Хватит.

Арина сразу замолчала, но лицо осталось злым.

Позже Наталья нашла ее в отцовской спальне. Девушка сидела на полу у кровати и перебирала бумаги из прикроватного ящика.

— Что ищешь?

— Не знаю.

— Тогда зачем?

Арина пожала плечами.

Среди чеков, ручек и старой зарядки лежал конверт с наличными — небольшая сумма по сравнению с тем, что семья вскоре будет обсуждать в судах. Арина показала матери.

— Что делать?

Наталья впервые за день не знала ответа.

— Положи обратно. Завтра разберемся.

— А если это кому-то должен?

— Завтра.

— Ты весь день говоришь «завтра».

Наталья села рядом на пол.

— Потому что сегодня я могу только дожить до завтра.

Арина посмотрела на мать и впервые поняла: взрослый человек рядом не знает, что делать. Это было страшнее смерти в каком-то практическом смысле. Отец умер — факт невозможно изменить. Но если мама не знает, что делать дальше, кто знает?

Наталья будто прочитала ее мысль.

— Мы разберемся.

— Ты уверена?

Она хотела ответить «да» и не смогла.

— Нет. Но разберемся.

Эта формула стала честнее любой уверенности, которую им позже будут продавать.

Глава 2. Реестр долгов

Нотариальная контора находилась на первом этаже нового дома, между аптекой и салоном красоты. В приемной стоял аквариум с двумя ленивыми рыбами, висели сертификаты и пахло кофе из автомата. Наталью раздражало, насколько обыкновенным было место, где человеческую смерть переводили на язык долей.

Нотариус говорила спокойно и точно. Две дочери. По одной второй. Состав имущества будет уточняться. Отдельно — права требования по договорам займа. Отдельно — залоги. Нужно уведомить должников, собрать документы, запросить сведения из банков, Росреестра, компаний.

— А я? — спросила Наталья.

Нотариус посмотрела в документы.

— Вы в разводе на дату смерти.

— Я понимаю.

— Тогда наследниками первой очереди в данном составе являются дочери.

Наталья кивнула. Вопрос был не о праве на имущество, и она это знала. Просто услышать юридическую формулу оказалось неприятнее, чем ожидала. Двадцать с лишним лет жизни не создавали долю. Развод — создавал отсутствие доли. Закон не обязан знать, кто кому звонил ночью и кто помнит, какое лекарство человек забывает принимать.

На улице Ирина спросила:

— Ты расстроилась?

— Из-за чего?

— Что ты не наследница.

Наталья остановилась.

— Ира, если бы я хотела его имущество, я бы не разводилась.

— Я не это имела в виду.

— Тогда не надо.

Ирина обиделась, но спорить не стала. Это был первый из многих случаев, когда всем троим предстояло научиться не задавать правильные вопросы в неправильный момент.

Следующие недели прошли в звонках. Арендаторы отвечали делово. Управляющие компании просили свидетельства. Банки — нотариальные запросы. С должниками было сложнее.

Даниш сначала говорила уверенно: расчеты с Родионом велись, надо всё поднять, ничего страшного нет. Харова отвечала спокойнее: у нее есть документы, она разберется, обязательства исполнялись.

— Какие документы? — спросила Наталья.

— Все необходимые.

— Какие именно?

— Наталья Викторовна, давайте без нервов. Родион Михайлович сам всё знал.

Фраза «он всё знал» начала повторяться.

После смерти человека окружающие неожиданно начинают очень хорошо помнить, что именно он знал, обещал и говорил. Сам умерший подтвердить это уже не может.

Они нашли старого знакомого Родиона, Сергея Степанова. Он дружил с ним почти тридцать лет, вел совместные дела, бывал дома. Наталья попросила встретиться.

Сергей приехал к ним вечером. Долго сидел в прихожей, не снимая пальто, словно ему трудно было пройти дальше без хозяина.

— Не могу поверить, — сказал он.

Наталья поставила чай.

— Никто не может.

— Он мне за неделю до этого звонил.

— О чем?

Сергей пожал плечами.

— Так. Дела. На кого-то ругался.

Арина напряглась.

— На кого?

— Не помню. И не хочу придумывать. Может, вообще не по этим долгам.

Наталья посмотрела на него с благодарностью. За последние дни она слишком часто слышала людей, которые после смерти Родиона вспоминали удивительно точные разговоры. Сергей, наоборот, честно не помнил.

Они показали ему папки.

— Нужен нормальный адвокат, — сказал он. — Не семейный знакомый, не «я знаю юриста». Здесь суммы такие, что начнутся игры.

— Есть кто-то? — спросила Наталья.

Сергей задумался.

— Мне называли одного. Марсани. Тимур Захарович. Говорят, сильный.

— Кто говорит?

— Через знакомых. Я лично с ним не работал.

— Тогда зачем рекомендуешь?

— Я не рекомендую. Я говорю фамилию. Проверьте сами.

Через два дня на Марсани вышли еще по одной цепочке. Это произвело впечатление. Если одна и та же фамилия возникает из разных источников, человек склонен принимать совпадение за репутацию.

Первая встреча состоялась в конце сентября. Наталья попросила Сергея поехать с ней.

— Зачем я?

— Просто посиди.

— Ты боишься?

— Я никого не знаю. Пусть рядом будет человек Родиона.

Офис Марсани выглядел именно так, как, по мнению Натальи, должен выглядеть офис дорогого адвоката: массивный стол, темное дерево, несколько фотографий с известными людьми, толстые папки без подписей на корешках. Сам Марсани говорил уверенно и быстро. Он мгновенно понял масштаб наследства, задавал точные вопросы, несколько раз перебил Наталью, когда она уходила в детали.

— Главное сейчас — не дать им выиграть время, — сказал он. — После смерти кредитора должники почти всегда начинают рассказывать про устные договоренности.

Наталья посмотрела на Сергея. Тот едва заметно кивнул: звучало разумно.

— Сколько будет стоить? — спросила она.

Марсани назвал сумму.

Наталья переспросила.

— За всё?

— За вход в работу. Дальше посмотрим по объему. У вас не одно дело.

Он сначала назвал пять миллионов. После обсуждения договорились на четырех за большой пакет работы. Оплата должна была идти частями.

По дороге домой Сергей сказал:

— Дорого.

— Но если вернем долги?

— Я не про то. Просто не теряй голову.

— У меня нет выбора.

Сергей повернулся к ней.

— Выбор есть всегда. Даже плохой.

Эту фразу Наталья запомнила намного позже.

Первые два миллиона она передала в течение нескольких дней.

Началась новая жизнь, в которой любое событие имело номер дела, дату заседания и стоимость.

* * *

Первый реестр имущества они составляли на обычном листе в клетку. Наталья разделила страницу вертикальной чертой. Слева — что принадлежало Родиону. Справа — кто должен ему.

Слева список получался понятным: адрес, площадь, арендатор, примерная стоимость.

Справа было сложнее.

У каждого долга существовала история.

— Вот здесь что? — спросила Ирина, показывая на фамилию, написанную рукой отца.

Наталья вспомнила мужчину, который когда-то приходил к ним домой, но не знала, вернул ли он деньги.

— Надо звонить.

— А если скажет, что вернул?

— Попросим документ.

— А если документа нет?

Наталья посмотрела на нее.

— Тогда будет говорить юрист.

В тот момент ей еще казалось, что юрист — это человек, после появления которого неопределенность исчезает. Позже она узнает обратное: хороший юрист не уничтожает неопределенность, а показывает, какая ее часть юридически значима.

Несколько должников платили без спора. Кто-то попросил новый счет, кто-то прислал сверку, кто-то приехал и показал расписки. Эти люди почти исчезли из семейной памяти, хотя именно их поведение было нормальным.

Память вообще несправедлива: она лучше хранит конфликт, чем порядочность.

Через годы Наталья иногда пыталась вспомнить фамилию человека, который после смерти Родиона сам позвонил и сказал: «Я должен столько-то, скажите нотариуса». Не могла.

Харову и Даниш помнила без усилия.

Так зло — или просто спор — получает в памяти больше места, чем нормальность.

* * *

Через месяц после смерти квартира уже не была местом похорон, но еще не стала обычным домом. Цветы исчезли, еда из контейнеров закончилась, люди перестали звонить каждый день. Остались дела.

Утром Наталья приезжала с блокнотом. Арина училась или пыталась учиться. Ирина подключалась после работы. Они составляли таблицу арендаторов, проверяли коммунальные счета, искали банковские выписки, звонили людям, которые могли знать о незавершенных сделках.

Самым сложным оказалось не найти активы. Сложно было понять отношения.

В одной папке Родион хранил договор займа, в другой — рукописную записку «поговорить после 15-го». У некоторых должников были официальные графики. У других — переписка. С кем-то он работал через помощников. С кем-то лично.

— Как он вообще это всё держал в голове? — спросила Ирина.

Наталья усмехнулась.

— Плохо держал. Просто делал вид.

— А где бухгалтер?

— По бизнесу — есть. Но личные займы он любил вести сам.

Они нашли записи о регулярных платежах Даниш. Большие суммы в договоре и относительно небольшие платежи по графику. Потом — Харова, девяносто миллионов, залог, проценты.

Арина посмотрела на количество нулей.

— Я вообще не знала, что он дает такие деньги.

— И правильно, — сказала Наталья.

— Почему правильно? Я жила с ним.

— Он не должен был обсуждать с тобой все свои сделки.

— Теперь должен был бы.

Фраза повисла в воздухе. После смерти любые секреты умершего начинают казаться несправедливостью к живым: почему не рассказал, почему не записал подробнее, почему не предупредил.

Наталья понимала, что это тоже форма гнева. Мы сердимся на мертвых за то, что они не подготовили нас к миру без них.

В тот месяц впервые пришел арендный платеж на счет, который нужно было временно администрировать в рамках наследственных процедур. Наталья смотрела на цифры и испытывала почти стыд: жизнь бизнеса продолжалась.

— Деньги пришли, — сказала она дочерям.

Арина поморщилась.

— Звучит ужасно.

— Почему?

— Папа умер, а деньги пришли.

Наталья кивнула.

Деньги действительно обладают особой бесчувственностью. Они не знают, что человек умер. Обязательство наступает первого числа — и исполняется первого числа.

И, возможно, именно эта бесчувственность спасает жизнь от полного разрушения. Пока люди не могут работать от горя, договоры продолжают создавать порядок.

Глава 3. Сильный человек

Марсани умел говорить с людьми, которым страшно.

Он не успокаивал напрямую. Не говорил «не волнуйтесь». Напротив — сначала обозначал опасность так ясно, что человек начинал волноваться сильнее, а потом показывал себя единственным, кто способен этой опасностью управлять.

— Здесь обычными исками не закончится, — сказал он на одной из встреч. — Суммы большие. Люди будут защищаться любыми способами.

— Какими? — спросила Ирина.

— Разными.

— Это что значит?

— Значит, надо быть готовыми.

Уверенность стоила дорого, но после смерти Родиона семье хотелось именно уверенности. Наталья отвечала на звонки Марсани немедленно. Если он просил документы — находила ночью. Если говорил, что нужно подать заявление — подписывала. Он становился переводчиком неизвестного мира.

Постепенно рядом с ним появился Михаил Захарин, юрист помоложе, который готовил часть бумаг, ездил в суды, звонил по организационным вопросам. Наталья сначала воспринимала его как помощника. Потом заметила, что многие конкретные ответы дает именно он, а Марсани чаще говорит о стратегии.

— Иск подан? — спрашивала она.

— В работе.

— В какой суд?

— Михаил уточнит.

— Срок когда?

— Там всё контролируется.

Слова «контролируется» и «решается» стали звучать часто.

Наталья не замечала, как меняется значение их отношений. Сначала она наняла адвоката, чтобы тот делал юридическую работу. Через несколько месяцев стала ждать от него защиты вообще — от судов, должников, экспертов, возможных уголовных рисков, от любого человека, который мог оказаться сильнее ее дочерей.

Страх универсален, поэтому и защитник от страха постепенно становится универсальным.

Ирина относилась к этому хуже.

— Мне не нравится, как он говорит, — сказала она однажды матери.

— Как?

— Будто всё зависит от него.

— А от кого должно зависеть?

— От суда, например.

Наталья раздраженно положила телефон.

— Ира, суд — это не абстракция. Там люди. Он знает систему.

— Откуда ты знаешь?

— Его рекомендовали.

— Кто?

— Сергей. Еще люди.

— Сергей дал фамилию, а не гарантию.

Наталья вспыхнула.

— Я делаю что могу.

Ирина сразу отступила.

— Я знаю.

Эта короткая ссора была важнее, чем они тогда понимали. После смерти Родиона Наталья взяла на себя роль того, кто принимает решения, и любое сомнение в выборе слышала как упрек: ты плохо спасаешь нас.

Весной разговоры стали еще тревожнее. Марсани говорил о противодействии, о людях на другой стороне, о том, что обычной работы может оказаться недостаточно. Наталья спрашивала, что значит «недостаточно», и получала ответы, в которых появлялись крупные суммы, ведомства и фамилии, которые она плохо знала.

— Мы же адвокату платим, — сказала Арина. — За что еще деньги?

Наталья сидела на краю дивана и терла пальцами висок.

— Он говорит, есть риск, что без этого решения будут против нас.

— «Этого» — это чего?

— Я не хочу обсуждать по телефону.

— Мы дома.

— Всё равно.

Арина замолчала. За несколько месяцев взрослые разговоры стали приобретать шепот даже в собственной квартире.

Летом Наталья уже устала бояться. Это особое состояние: страх не исчезает, просто организм перестает реагировать остро. Человек начинает принимать решения, которые несколько месяцев назад показались бы невероятными.

Марсани назвал двадцать миллионов.

— За что конкретно? — спросила Ирина.

Встречались втроем. Марсани сидел напротив, Захарин сбоку, листал телефон.

— Я не хочу вдаваться в детали, которые вам же могут повредить.

— Мне повредит понимание, кому мы даем двадцать миллионов?

— Ирина, — остановила мать.

Но Марсани улыбнулся.

— Правильный вопрос. Деньги нужны для обеспечения безопасности результата по ключевым направлениям. Есть люди, с которыми нужно работать.

— Это взятка? — спросила Ирина.

В комнате стало тихо.

Марсани откинулся в кресле.

— Не употребляйте слова, смысл которых вы не понимаете. Вы оплачиваете комплекс мероприятий, чтобы ваши законные требования не похоронили из-за чужого влияния.

— Какой комплекс?

— Я сказал всё, что могу.

Наталья не отвела взгляда. Где-то внутри было сопротивление. Но рядом с ним существовала другая мысль: если они откажутся, а потом проиграют, она всю жизнь будет считать, что не сделала необходимого.

Так страх превращает сомнительную просьбу в моральную обязанность.

После встречи Ирина сказала:

— Не отдавай.

— А если он прав?

— А если нет?

Наталья не ответила.

Вопрос «а если» уже давно управлял их жизнью.

* * *

После первой встречи с Марсани Наталья нашла его фамилию в интернете. Несколько упоминаний, профессиональные страницы, фотографии. Ничего, что могло бы дать настоящий ответ на вопрос «можно ли доверять».

Она позвонила знакомому предпринимателю.

— Слышал про него?

— Фамилию знаю.

— Хороший?

— Наташа, что значит хороший адвокат? У меня с ним дел не было.

— Говорят, сильный.

— Тогда проверь договор и не отдавай наличными без оформления.

Она рассердилась.

— Все умные после того, как спросишь.

— Ты сама спросила.

Этот разговор Наталья потом вспоминала болезненно. Предупреждение было. Но слишком общим, чтобы казаться важным. Почти каждому человеку можно сказать «будь осторожен», и почти любой после беды обнаружит, что его предупреждали.

На второй встрече Марсани уже называл дела по фамилиям, помнил суммы и детали. Это производило сильное впечатление.

— Даниш будет спорить по возврату, — сказал он.

— Откуда вы знаете?

— Потому что иначе ей придется платить.

— Харова?

— Там тоже спокойно не будет.

Он был прав. И именно это сделало последующие обещания убедительнее. Если человек точно предсказывает очевидное развитие, клиент начинает верить и в то, что проверить сложнее.

* * *

Первые полгода работы с Марсани были не сплошной чередой тревожных знаков. Если бы всё было плохо сразу, никто не отдал бы двадцать миллионов.

Он действительно работал. Были встречи, проекты документов, поездки в суды, консультации. Захарин отвечал на вопросы, готовил процессуальные бумаги. Некоторые проблемы решались. Именно наличие реальной юридической деятельности позже сделает уголовное дело сложнее простого рассказа о человеке, который взял деньги и исчез.

Марсани умел производить впечатление включенности. Он мог позвонить вечером:

— Наталья Викторовна, по Даниш посмотрел ситуацию. Там важно не проспать экспертизу.

И на следующий день действительно обсуждал экспертизу.

Мог предупредить о заседании, назвать слабое место иска, объяснить риск.

Доверие строилось не на пустом месте.

Но постепенно в профессиональную работу начали вплетаться вещи другого рода.

— Там есть люди, которые помогают другой стороне.

— Какие?

— Пока неважно.

— Откуда информация?

— Работаем.

Слово «работаем» могло означать что угодно и поэтому было удобным.

Наталья не сразу заметила, как факты и намеки стали звучать одним голосом. Реальный риск экспертизы соседствовал с утверждением о влиянии. Процессуальная проблема — с разговором о людях «наверху».

Ирина реагировала острее.

— Если есть незаконное влияние, почему не написать заявление?

Марсани посмотрел на нее почти снисходительно.

— Потому что взрослый мир устроен сложнее учебника.

— Очень удобная фраза.

— А вы хотите, чтобы я рассказывал вам сказки про идеальную систему?

Наталья вмешалась:

— Не спорьте.

— Я не спорю, — сказала Ирина. — Я спрашиваю, почему каждый риск заканчивается деньгами.

После встречи мать отчитала ее:

— Не надо хамить человеку, который нас защищает.

— Я задала вопрос.

— Тоном.

— Мам, ты боишься, что если мы его разозлим, он перестанет нас защищать?

Наталья не ответила.

Это было слишком близко к правде.

К тому моменту Марсани уже стал не просто нанятым специалистом, а психологической опорой. Потерять его означало снова остаться один на один с системой, которой Наталья не понимала.

Зависимость клиента от профессионала часто начинается не с договора.

С ощущения: без него я не справлюсь.

* * *

Деньги готовили заранее. Пачки пятидесятирублевых купюр занимали меньше места, чем Наталья представляла. Ее удивило, что двадцать миллионов можно сложить в сумку, которую человек спокойно несет одной рукой.

Для встречи выбрали ресторан. Не потому, что хотели скрыться. Наоборот, публичное место казалось безопаснее. Наталья попросила знакомого семьи, Виктора Бараева, приехать и находиться рядом.

— Мне что делать? — спросил он.

— Ничего. Просто будь там.

— Наташ, если тебе нужен свидетель, так и скажи.

— Мне нужен человек рядом.

Бараев не стал спорить.

Черную сумку Наталья получила в «Якитории» вместе с заказом. Она показалась удобной и достаточно неприметной. Деньги сложили внутрь. Наталья несколько раз застегнула и расстегнула молнию, потом рассердилась на себя.

Марсани приехал позже. Поздоровался с Виктором, будто удивился его присутствию, но ничего не спросил. Сели за стол.

Разговор шел странно: о судах, о текущих делах, о том, что надо ускоряться. Сумка стояла у Натальи под ногами. Ей казалось, что все в ресторане смотрят именно туда.

— Я хочу еще раз понять, — сказала она. — После этого всё?

Марсани чуть наклонился.

— По тем вопросам, о которых мы говорили, — да.

— Деньги куда пойдут?

— Наталья Викторовна, мы это обсуждали.

— Я хочу услышать еще раз.

Он посмотрел на Виктора.

— Может, такие вещи не при посторонних?

— Он не посторонний.

Виктор поднялся.

— Я отойду покурить.

— Не надо, — сказала Наталья. — Сиди.

Марсани пожал плечами.

— Есть люди, которые обеспечат, чтобы ваши дела не были сломаны административно.

Конкретные фамилии вам не нужны.

— Двадцать миллионов — и не нужны?

— Именно потому, что двадцать.

Он говорил спокойно, без нажима. Уверенность действует сильнее угрозы, когда человек уже напуган.

Наталья вынула сумку и поставила рядом с его стулом.

— Пересчитайте.

— Не здесь.

— Я хочу, чтобы вы пересчитали.

Марсани вздохнул. Сумку перенесли в более закрытую часть зала. Виктор позже будет вспоминать звук счетной машинки и шорох купюр, но сам сумму не пересчитывал. Он видел, что деньги были, видел сумку до и после, видел Марсани, уходящего с ней. Больше — нет. В последующие годы именно эта скромность воспоминания сделает его показания убедительнее многих уверенных рассказов.

Наталья смотрела, как Марсани застегивает сумку.

— Когда будет понятно, что всё сделано?

— Скоро.

— Это сколько?

— Наталья Викторовна, не надо сейчас считать дни. Процессы не работают по расписанию.

На улице Виктор задержался у своей машины. Марсани прошел к другой. Через несколько минут Бараев заметил, как возле автомобиля меняют номерные знаки. Он не был уверен, почему это происходит, и не делал выводов. Только запомнил.

По дороге домой Наталья почти молчала.

— Тебе легче? — спросил Виктор.

— Не знаю.

— Ты уверена в нем?

— Уже поздно быть неуверенной.

Виктор резко повернул голову.

— Вот это самая плохая причина доверять человеку.

Наталья устало улыбнулась.

— Сегодня все философы.

Дома Ирина ждала на кухне.

— Отдала?

— Да.

— Он дал расписку?

Наталья сняла серьги, положила на стол.

— Нет.

Ирина медленно выдохнула.

— Мам.

— Не начинай.

— Я просто спросила.

— Он адвокат. Мы с ним не на рынке.

Ирина ничего не сказала. Именно отсутствие ответа разозлило Наталью сильнее спора.

— Что ты на меня так смотришь?

— Никак.

— Скажи.

— Я боюсь.

— Я тоже.

Это признание сразу разрушило ссору.

Наталья села напротив дочери.

— Если я ошиблась, это моя ошибка.

— Нет, — сказала Ирина. — Наша.

— Деньги отдавала я.

— А наследство наше. И мы согласились.

Арина появилась в дверях.

— Я не соглашалась.

Они обе посмотрели на нее.

— Но и не остановила, — добавила она. — Так что тоже наша.

Три женщины сидели вокруг стола и впервые ясно чувствовали: отныне сумма в двадцать миллионов связывает их не меньше, чем родство.

* * *

Перед самой передачей Наталья вышла в туалет ресторана и несколько минут стояла перед зеркалом.

Она могла взять сумку и уйти.

Эта мысль появилась отчетливо.

«Скажу, что передумала. Пусть объяснят официально. Пусть выставят счет».

Потом возникла другая:

«А если из-за моей трусости девочки потеряют десятки миллионов?»

Вот что перевесило.

Не жадность.

Ответственность.

Именно на ней легче всего строить давление на человека, привыкшего отвечать за других.

Когда Наталья вернулась, Марсани уже говорил с Виктором о каком-то общем знакомом. Обычный разговор. Это тоже успокаивало. Мошенничество, если человек его ожидает, должно выглядеть иначе: шепот, закрытые двери, нервозность. А здесь официант спрашивал, не принести ли еще чай.

Позже Наталья поняла: опасные решения часто принимаются в нормальной обстановке именно потому, что нормальность отключает тревогу.

* * *

В день передачи денег Наталья с утра несколько раз пересчитывала не купюры — решение. Деньги были подготовлены, вопрос обсужден, но пока сумка стояла дома, существовала возможность не ехать. Она ходила из комнаты в комнату и ловила себя на желании, чтобы кто-нибудь позвонил и отменил встречу за нее.

Ирина сказала:

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

— Тогда зачем?

Наталья ответила не сразу.

— Потому что страшнее ничего не делать.

Вот на этом обычно и держатся самые дорогие ошибки. Не на жадности. На страхе бездействия.

Деньги сложили в черную сумку. Никакой символики в выборе цвета не было; просто подходящая по размеру. Позднее черный станет для Натальи частью воспоминания, будто судьба заранее занималась художественным оформлением сцены. В тот день сумка была сумкой.

Она попросила Бараева находиться рядом. Не вмешиваться, не считать, не участвовать — просто быть. Ей хотелось присутствия свидетеля, хотя самой себе она объясняла это безопасностью.

В ресторане былолюдно. Именно многолюдность успокаивала. Преступления, если человек еще не научился жизни, представляются происходящими в темных местах. Здесь официанты приносили пасту, за соседним столом женщина поздравляла кого-то с днем рождения, ребенок у окна смотрел мультфильм без наушников.

Марсани пришел уверенный, как всегда. Не торопился. Спросил о дочерях. Несколько минут говорили о делах, и Наталья злилась на бытовую часть разговора: сумка стояла рядом, а они обсуждали что-то неважное.

— Давайте уже, — сказала она.

Он посмотрел на нее спокойно.

— Вы уверены?

Позднее этот вопрос будет мучить ее отдельно. Он спрашивал. Она могла сказать нет.

— Да.

Сумка перешла на другую сторону стола.

Наталья следила за руками. Не потому, что подозревала. Потому что сумма всегда делает движение предмета заметным. Купюры считали. Она слышала шорох, звук счетной машинки или похожий на него механический треск — позднее воспоминание смешается с рассказами свидетелей, и она перестанет быть уверенной, что именно слышала сама. Но отчетливо помнила облегчение после того, как сумка перестала быть ее ответственностью.

Это и было самым страшным: облегчение.

Человек передает деньги и думает, что вместе с ними передает проблему.

На улице Бараев подошел к ней.

— Все?

— Да.

— Нормально?

— Должно быть.

Он посмотрел вслед машине.

— Номер другой был?

— Какой номер?

— На машине. По-моему, когда приехал, буквы другие.

Наталья раздраженно махнула рукой.

— Тебе показалось.

Возможно, ему действительно показалось. Тогда это не имело значения. Позднее каждая деталь начнет требовать места в общей картине, и Наталья будет вспоминать этот короткий разговор десятки раз.

Домой она вернулась после десяти. Арина спросила из комнаты:

— Мам, все нормально?

— Нормально.

Это слово стало первой ложью той ночи, хотя Наталья еще не знала, что лжет.

Глава 4. Первый треск

Недоверие редко появляется в момент, когда человек говорит очевидную ложь. Чаще оно начинается с мелочи, которую можно объяснить.

Первым была ошибка в иске.

Наталья увидела определение суда и позвонила Захарину.

— Почему оставили без движения?

— Технический вопрос. Исправим.

— Какой?

— Приложение не так оформлено.

— За четыре миллиона нельзя было оформить приложение?

— Наталья Викторовна, суды часто придираются.

Через несколько недель другой материал вернулся из-за подсудности. Потом обнаружилась разница в расчете. В одном деле требование сформулировали так, что пришлось уточнять. Каждую ошибку можно было объяснить отдельно. Вместе они начинали образовывать рисунок.

Наталья стала проверять документы сама.

Сначала выборочно. Потом каждый.

Она садилась ночью за стол, открывала Гражданский процессуальный кодекс, читала комментарии, сравнивала реквизиты. Человек, который еще год назад не отличал подведомственность от подсудности, начал раздраженно исправлять чужие ссылки на статьи.

Однажды Ирина увидела ее в три часа ночи.

— Ты что делаешь?

— Считаю госпошлину.

— Зачем?

— Потому что они посчитали иначе.

— Позвони утром.

Наталья подняла глаза.

— Если я всё перепроверяю сама, зачем я им плачу?

Ирина села напротив.

— Наконец-то ты это сказала.

Наталья вспыхнула.

— Не начинай.

— Я ничего не начинаю. Я ждала, когда ты сама увидишь.

— Что именно? Ошибки бывают у всех.

— Бывают.

— Тогда?

— Тогда почему ты их оправдываешь, если сама уже не доверяешь?

Наталья закрыла ноутбук.

— Я не могу просто признать, что отдала двадцать миллионов человеку, которому не доверяю.

После этой фразы в кухне стало тихо.

Ирина протянула руку и накрыла ладонь матери.

— Можешь.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда надо признать, что я подставила вас.

— Ты пыталась нас защитить.

— Это ничего не меняет.

— Меняет всё.

Наталья отвернулась. Вот почему люди так долго держатся за неудачные решения: исправить решение проще, чем изменить представление о себе как о разумном человеке.

На следующей встрече она задавала Марсани вопросы иначе.

— Покажите, что сделано по Даниш.

— Работа идет.

— Конкретно.

— Поданы документы, готовятся ходатайства.

— Какие?

— Михаил пришлет.

— Сейчас покажите.

Марсани посмотрел на нее с раздражением, которое быстро спрятал.

— Наталья Викторовна, если вы хотите контролировать каждую запятую, это мешает работать.

— Я хочу понимать, за что заплатила.

— Вы платили не за бумажки.

— А за что?

Он сделал паузу.

— За результат.

Именно эта фраза должна была успокоить. Но впервые прозвучала угрожающе.

Позже, в ресторане, разговор стал еще страннее. Марсани говорил о «диалоге с департаментом», о том, что вопросы идут не через конкретного судью, а на уровне системы. Звучали суммы: десять миллионов на одно направление, десять на другое. Отдельно — экспертиза. Отдельно — уголовный блок.

Наталья слушала и ощущала почти физическое расхождение между словами и реальностью. Если всё решается на таком высоком уровне, почему простейший иск возвращают из-за ошибки?

— Ира, — сказала она после встречи.

— Что?

— В следующий раз записываем.

— Я давно предлагаю.

— Теперь записываем всё.

Так закончился период доверия.

Начался период фиксации.

* * *

Первые ошибки в процессуальных документах Наталья пыталась скрыть от дочерей.

Не сознательно. Просто не хотела снова слышать «мы говорили».

Она звонила Захарину одна, добивалась исправлений, объясняла себе, что объем работы огромный.

Но однажды Ирина сама нашла в электронной картотеке информацию о возврате документа.

— Почему ты не сказала?

— Потому что уже исправляют.

— Дело не в этом.

— А в чем?

— Ты теперь защищаешь от нас нашего адвоката.

Фраза была жестокой и точной.

Наталья замолчала.

Вот как устроена психологическая инвестиция: чем больше человек вложил в решение, тем дольше защищает его от фактов, которые делают вложение бессмысленным.

В тот вечер она впервые открыла договор с Марсани и прочитала его не как клиент, доверяющий профессионалу, а как сторона возможного конфликта.

Это изменение взгляда оказалось необратимым.

* * *

К середине августа Наталья больше не хотела объяснений. Она хотела деньги назад.

Встреча прошла напряженно. Марсани сначала говорил мягко, потом раздраженно. Наталья перечисляла дела, ошибки, невыполненные обещания, отсутствие результатов.

— Вы получили двадцать миллионов. Я хочу понимать, что с ними.

— Я уже объяснял.

— Тогда верните.

— На каком основании?

— На том, что я их дала вам.

— Для работы, которая выполнена.

— Покажите.

— Вы переходите границу.

— Какую?

Ирина сидела рядом и почти не вмешивалась. Арина держала телефон в сумке с включенной записью. Наталья говорила медленно, чтобы не сорваться.

— Мы готовы оплатить реальную юридическую работу. Всё остальное возвращайте.

Марсани рассмеялся без улыбки.

— Вы думаете, так это работает? Сегодня люди сделали для вас необходимое, завтра вы передумали и просите обратно?

— Какие люди?

— Не надо играть словами.

— Я не играю. Назовите.

Он посмотрел сначала на Ирину, потом на Арину.

— Девочки вообще понимают, что делают? Есть вопросы по наследству, по добросовестности, по их поведению. Не надо создавать себе проблемы.

Наталья резко встала.

— Вы сейчас угрожаете моим дочерям?

— Я предупреждаю как юрист.

— Тогда предупредили. Возвращайте деньги.

После встречи руки у нее дрожали так сильно, что она не могла открыть машину.

— Дай, — сказала Арина и взяла ключи.

Наталья села на пассажирское сиденье.

— Я дура.

— Мам.

— Не надо. Я дура.

Ирина села сзади.

— Хватит.

— Я сама отдала.

— Мы все там были.

— Не тогда.

— Но знали.

— Не знали ничего.

— Ты тоже не знала.

Наталья закрыла глаза.

— Я должна была знать.

Это тяжелейшая форма вины: требовать от себя знания, которого в тот момент не существовало.

Через несколько дней решение созрело окончательно.

— Ищем другого адвоката, — сказала Наталья.

— А этим? — спросила Ирина.

— Отменяем доверенности.

— И деньги?

— Будем возвращать.

Арина неожиданно сказала:

— Папа бы нас убил.

Наталья повернулась.

— Не говори так.

— Ну не убил. Сказал бы: «Вы с ума сошли?»

Ирина фыркнула. Наталья попыталась удержаться и тоже рассмеялась. Через секунду Арина заплакала.

Смех и слезы сошлись так быстро, что никто не успел понять, что было первым.

Горе не движется по прямой. Оно может исчезнуть на неделю, а потом вернуться в одной фразе, произнесенной голосом умершего.

На следующий день Наталья начала искать нового защитника.

Теперь ее главный вопрос звучал иначе.

Не «вы сможете выиграть?»

А «что вы видите в документах?»

* * *

После требования вернуть деньги Захарин позвонил отдельно.

— Наталья Викторовна, давайте не разрушать отношения. Всё можно обсудить.

— Обсуждали.

— Тимур Захарович очень негативно воспринял форму.

— Форму чего?

— Претензий.

— А я негативно восприняла отсутствие двадцати миллионов.

Захарин помолчал.

— Деньги были переданы не лично ему в качестве займа.

— Я прекрасно помню, в каком качестве.

— Тогда понимаете, что возврат не так прост.

— Вот это и проверим.

Когда она положила трубку, поняла, что впервые не испугалась фразы «проверим». Раньше проверка ассоциировалась с угрозой потерять. Теперь — с возможностью вернуть контроль.

Глава 5. Новый адвокат

Алексей пришел в эту историю в конце августа 2020 года и сперва показался Наталье слишком спокойным.

Она приехала в его кабинет с двумя пакетами документов и говорила почти сорок минут без остановки. Он слушал, иногда делал короткие записи, несколько раз просил вернуться к дате.

— Вы меня вообще слышите? — не выдержала она.

— Да.

— Тогда почему молчите?

— Потому что пока не знаю, что сказать.

— Все понятно. Есть долги, есть имущество, есть расписки, есть адвокат, который взял деньги...

— Мне не всё понятно.

— Что именно?

— Почти всё.

Наталья раздраженно откинулась на спинку стула.

— Замечательно.

— Вы хотите, чтобы я сейчас сказал, что выиграю?

Она посмотрела настороженно.

— Хотя бы что ситуация поправима.

— Частично наверняка. Остальное посмотрим.

— «Посмотрим» я уже слышала.

— Тогда хорошо, что вы знаете: это не гарантия.

Она впервые улыбнулась.

Алексей попросил разделить дела. Сначала — Даниш. Отдельно — Харова. Потом прежний адвокат. Остальные заемщики — позже. Наталья пыталась перескочить к экспертизе, он возвращал к договору. Она говорила о связях Марсани, он спрашивал, есть ли записи.

— Есть.

— Хорошо. Сохраняйте оригиналы.

— Мы хотим написать заявление.

— Напишем после того, как поймем, что можем подтвердить.

— Я всё могу подтвердить.

— Вы можете рассказать. Это не одно и то же.

Наталья мгновенно вспыхнула.

— Вы мне не верите?

— Вам — да. Но суд и следователь не обязаны верить ни вам, ни мне. Поэтому нужны доказательства.

— Вы всегда так разговариваете с клиентами?

— С теми, кого хочу не подвести.

Вторую встречу посвятили документам. Алексей разложил их на длинном столе и начал с самого простого: договор, передача денег, платежи, обеспечение, что заявлено в иске, чего не хватает.

— По Даниш заем семьдесят миллионов, — сказал он. — Что реально возвращено по вашему графику?

Наталья назвала несколько сумм.

— А эти десять и пятьдесят?

— Не было.

- Документы откуда?
- Представили в суд.
- Оригиналы?
- Да.
- Экспертиза назначена?
- Еще нет.
- Он сделал пометку.
- Хорошо.
- Что хорошего?
- То, что еще можно правильно поставить вопросы.

По Харовой он задержался дольше. Девяносто миллионов, залог, график платежей, ранний иск самого Родиона.

- Это важно, — сказал Алексей.
- Я знаю.
- Не потому, что подтверждает вашу правоту.
- А почему?
- Потому что создан до нынешнего спора. У него другая доказательственная природа. Человек при жизни требовал долг, и это плохо сочетается с версией о крупных возвратах, если они якобы уже были.

Наталья смотрела на него и впервые за много месяцев чувствовала не уверенность, а порядок. Это оказалось приятнее.

В конце встречи она спросила:

- Сколько шансов?
- Алексей закрыл папку.
- Не знаю.
- Вы можете хотя бы приблизительно?
- Могу придумать цифру. Хотите?
- Нет.
- Тогда пока не знаю.
- А что знаете?

— Что у вас есть сильные вопросы к документам. И что часть предыдущей работы надо переделывать.

- Много?
- Достаточно.
- Всё можно исправить?

Он помолчал.

— Кроме времени.

Несколько секунд Наталья не отводила от него взгляда.

— Хорошо. Начинайте.

10 сентября Алексей впервые появился в суде по делу Даниш.

В коридоре он встретил прежних представителей семьи. Они поздоровались коротко. Захарин посмотрел на папку у него в руках, потом на Наталью.

— Значит, вот как.

Она не ответила.

Иногда отношения заканчиваются не словами.

Просто другой человек садится рядом с тобой в зале суда.

* * *

Алексей сделал то, что Наталье сначала показалось бессмысленной тратой времени: составил карту дел.

На стене кабинета появились листы с датами. Красным — процессуальные сроки. Синим — деньги. Черным — документы, происхождение которых надо установить. Отдельно — люди.

— Это что, следствие? — спросила Арина.

— Нет. Попытка не утонуть.

— Вы всегда так?

— Когда клиент приносит мне жизнь в двух пакетах — да.

Папок теперь было четыре.

Первая — Даниш. Заем семьдесят миллионов, обеспеченный залогом. Спорные документы на шестьдесят миллионов: расписка на десять и акт о возврате пятидесяти, плюс соглашение о расторжении. Даты — пятое и шестое сентября 2019 года, за несколько дней до смерти Родиона.

Вторая — Харова. Девяносто миллионов. Две расписки: сорок пять и сорок. Одна — март, вторая — август 2019 года. При этом сохранялся график с существенно меньшими выплатами.

Третья — Марсани. Договоренности, оплаты, записи разговоров, свидетели, требования вернуть деньги.

Четвертая — всё остальное, что пока не угрожало сроками.

— Почему Харова не первая? — спросила Наталья.

— Потому что Даниш сейчас процессуально ближе к экспертизе. Там можно потерять возможность правильно сформулировать вопросы.

— А Марсани?

— По нему сначала собираем. Не превращайте заявление в эмоциональное письмо.

— Вы меня считаете эмоциональной?

Алексей встретил ее взгляд.

— Это вопрос с подвохом?

Арина засмеялась.

— Уже нравится.

Наталья бросила на дочь строгий взгляд, но тоже улыбнулась.

Работа стала рутинной. И именно рутина постепенно возвращала им ощущение контроля. Запросы, копии, таблицы, расчеты. Алексей не любил фразу «подделка», если рядом не было оснований.

— Мы знаем, что подделка, — говорила Наталья.

— Вы убеждены.

— Какая разница?

— В суде — большая.

— Вы специально меня бесите.

— Если после этого вы точнее формулируете, значит, не зря.

Арина наблюдала за их постоянными спорами как за новым семейным сериалом. Ирина была осторожнее. Ей Алексей нравился именно тем, что не обещал. Но после истории с Марсани она вообще стала подозрительно относиться к людям, которые нравятся слишком быстро.

Вечером после одного из заседаний они сидели в машине у Тушинского суда. Наталья листала документы Даниш.

— Вот шестое сентября, — сказала она. — Родион был с нами.

— Весь день? — спросил Алексей.

— Практически.

— «Практически» — плохо.

— Господи.

— Кто видел?

— Арина. Я. Может быть, водитель. Были звонки.

— Тогда поднимем биллинг, если возможно. Посмотрим переписку, камеры, любые объективные следы.

— Чтобы доказать, что он не получил пятьдесят миллионов?

— Чтобы доказать, что событие, описанное документом, не складывается с остальной реальностью.

Наталья подняла на него глаза.

— Это одно и то же.

— Нет. Подпись — один объект. Передача пятидесяти миллионов — событие. У события больше следов.

Он взял лист и написал четыре слова:

ДЕНЬГИ.

МЕСТО.

ДОКУМЕНТ.

ПОВЕДЕНИЕ ПОСЛЕ.

— Что это?

— Наш способ не зависит от одной экспертизы.

Тогда Наталья впервые увидела стратегию, в которой правда не должна была держаться на одном человеке в белом халате или одном судье.

Это было новое чувство.

Не уверенность.

Устойчивость.

* * *

Четыре папки Алексей сделал не ради порядка. Ему нужно было развести истории, которые Наталья постоянно соединяла в одну. Для нее все произошло после смерти Родиона и поэтому было единым бедствием. Для суда каждый договор существовал отдельно.

На корешках появились фамилии: Даниш. Харова. Другие должники. Отдельно — Марсани и заявления о деньгах, переданных ему.

— Это все связано, — возражала Наталья.

— Для вас.

— И для них.

— Возможно. Но если я приду в суд и скажу «все связано», суд спросит: чем именно по этому делу?

Она ненавидела этот способ мышления. Ей казалось, что Алексей искусственно дробит очевидную реальность. Потом поняла: процесс и существует как машина разделения. Он вынимает из человеческой истории конкретный спор и требует доказать только то, что имеет значение для него.

Они начали с хронологии. Алексей попросил Наталью не рассказывать оценок.

— Только события.

— Я и рассказываю события.

— «Он нас обманул» — не событие. Что произошло?

— Взял деньги.

— Когда?

— Я вам говорила.

— Скажите снова.

— Вы записывали.

— Хочу проверить.

Через час Наталья была готова уйти. Через два начала понимать смысл. Память уверенно хранит сюжет и плохо — даты. Документы наоборот: они не знают сюжета, зато упрямо сохраняют число в углу страницы.

Алексей строил таблицу. Дата. Событие. Документ. Кто присутствовал. Что подтверждает. Что противоречит.

— Это не роман, — сказала Наталья.

— Слава богу.

Через годы именно из этой таблицы вырастет роман, но тогда никто из них об этом не думал.

Самая толстая папка оказалась не самой опасной. Опасной была та, где не хватало нескольких ключевых документов. Пустое место в деле иногда важнее ста страниц. Если факт существует только в памяти стороны, противник получает пространство для другой версии.

Алексей попросил принести телефоны, старые переписки, электронную почту, банковские выписки. Наталья удивилась:

— Зачем телефон Родиона? Там личное.

— Поэтому сначала посмотрите сами. Мне нужно то, что относится к делу.

Так началась археология последнего года жизни человека. В ней было что-то нарушающее покой, и все трое это чувствовали. Но умерший кредитор не мог выйти в суд. Его место занимали следы.

Глава 6. Десять и пятьдесят

Документы Даниш появились в деле почти буднично.

Представитель ответчика достал их из папки и передал судье. Алексей успел увидеть только верхний лист — соглашение о расторжении договора займа от шестого сентября 2019 года.

Наталья наклонилась к нему.

— Что это?

— Тихо.

Следом — акт приема-передачи пятидесяти миллионов. Потом расписка на десять миллионов от пятого сентября.

Судья перелистала документы.

— Истцы знакомы?

— Нет, — ответил Алексей.

Он попросил время на ознакомление и копирование.

В коридоре Наталья взорвалась.

— Я говорила! Это подделка.

— Сейчас ничего не говорите.

— Почему?

— Потому что мы еще даже оригиналы нормально не посмотрели.

— Я знаю подпись мужа.

— Бывшего мужа.

Она резко повернулась.

— Это сейчас зачем?

— Затем, что в суде надо быть точным даже в мелочах.

— Великолепно. У нас украли шестьдесят миллионов, а вы исправляете семейное положение.

— Я не говорю, что украли. Я говорю, что представлены документы о возврате. Их надо проверить.

Наталья ушла к окну. Через минуту вернулась.

— Простите.

— Ничего.

— Но подпись не его.

— Хорошо. Докажем.

— Вот это уже нормально.

Копии разложили на столе в кабинете. На первый взгляд подпись была похожа. В этом и была проблема. Не карикатурно неправильная, не чужая закорючка. Похожа настолько, что обычный человек мог поверить.

Арина смотрела долго.

— Не папина.

— Почему? — спросил Алексей.

— Не знаю.

— Это честный ответ.

— У него вот здесь движение другое.

Она показала пальцем.

— Вы эксперт? — спросил он.

— Нет.

— Тогда фиксируем впечатление, но не выдаем за вывод.

Проверили платежный график. Пятого сентября в нем была сумма порядка восьмисот тысяч, привычная для этого займа. Никаких десяти миллионов. Шестого — ничего, что напоминало бы пятьдесят.

— Это уже интересно, — сказал Алексей.

— Наконец-то.

— Но тоже не решает всё. Крупный платеж могли провести отдельно.

— Зачем тогда график?

— Вот это и спросим.

Начали восстанавливать шестое сентября. Телефонные соединения. Встречи. Маршруты. Семейные воспоминания. И чем глубже погружались в последние дни Родиона, тем тяжелее становилось Арине.

Она однажды закрыла ноутбук.

— Я больше не могу.

— Что случилось? — спросила Наталья.

— Вы каждый день разбираете последние дни папы по часам. Где был. С кем говорил. Кому звонил. Мне кажется, мы его не похоронили, а посадили под стекло.

Наталья замерла.

Алексей молча собрал бумаги.

— На сегодня всё, — сказал он.

— Но срок...

— До срока есть два дня. Один вечер ничего не решит.

Наталья хотела возразить и не стала.

После ухода адвоката Арина сказала:

— Я понимаю, что надо. Просто иногда хочу вспомнить папу не в шестое сентября.

Наталья села рядом.

— В какой день?

Арина подумала.

— Любой. Когда он был жив и никто не знал, что это важно.

Это оказалось самой точной формулировкой их беды.

Суд заставлял делать значимыми последние дни умершего, хотя при жизни они были просто днями.

Через неделю суд назначил почерковедческую и техническую экспертизу.

Именно тогда в деле появилась организация, которой предстояло изменить не только процесс, но и отношение семьи к слову «эксперт».

* * *

При осмотре оригиналов документов Даниш Алексей использовал обычную лупу, скорее из привычки, чем в надежде увидеть чудо.

Наталья наблюдала.

— Видно что-нибудь?

— Я не эксперт.

— Тогда зачем лупа?

— Чтобы понимать, какие вопросы задавать эксперту.

Он обратил внимание на места пересечения штрихов, положение подписи относительно печатного текста, одинаковость отдельных элементов. Ничего из этого само по себе не означало фальсификацию.

— Самое опасное, — сказал он, — когда адвокат начинает играть эксперта.

— А эксперт — адвоката?

— Тоже плохо.

— А судья — эксперта?

- Вот поэтому существует назначение экспертизы.
- А если эксперт плохой?
- Он поднял глаза от бумаг.
- Тогда начинается наша следующая глава.

Глава 7. Эксперты

Учреждение называлось солидно — что-то среднее между научным центром и частным бюро. Руководителя звали Игорь Конев. Алексей настоял, чтобы обсуждение проходило максимально формально, но до назначения и в ходе организационных вопросов возникла встреча, которая потом не раз будет всплывать в памяти Натальи.

Конев смотрел документы уверенно. Рядом сидел его заместитель. На столе лежали спорные подписи и образцы Родиона.

— Предварительно есть вопросы, — сказал Конев.

— Какие? — сразу спросила Наталья.

— По согласованности признаков. Я не хочу делать вывод до исследования.

— Но похоже на подделку?

Алексей повернулся к ней.

— Не подсказывайте ответ.

— Я не подсказываю.

Конев усмехнулся.

— Видите, адвокат правильно говорит. Мы пока только смотрим.

Но интонация была обнадеживающей. Наталья вышла с ощущением, что эксперты видят то же, что и они.

Через несколько дней разговор стал другим.

Сначала возникла сумма — пять миллионов. Формулировалась она как стоимость сложного комплекса исследований и организационной работы. Наталья переспросила несколько раз.

— Пять миллионов за экспертизу?

Ответ был длинным. В нем говорилось о сложности, объеме, ответственности, нескольких специалистах. Ни разу не прозвучало: «за нужный вывод». Но именно отсутствие простой формулы начало тревожить Алексея.

— Ничего не платим вне официального договора и понятной сметы, — сказал он после встречи.

— Они же должны работать.

— Пусть выставят официальный счет.

— А если откажутся?

— Значит, тем более не платим.

Наталья злилась. После прежнего адвоката она боялась и связей, и отсутствия связей одновременно. Ей хотелось, чтобы специалист был независим, но при этом точно понимал ее правоту. Эти желания плохо совместимы.

Через несколько дней Конев позвонил.

— Мы еще посмотрели материалы.

— И?

— Не всё так однозначно.

— В каком смысле?

— Есть признаки, которые могут свидетельствовать и в пользу выполнения записей самим Алеевым.

Наталья молчала.

— Подождите. На встрече вы говорили другое.

— Мы говорили о предварительном впечатлении.

— Документы изменились?

— Нет.

— Образцы?

— Нет.

— Тогда что изменилось?

Конев начал объяснять методику. Наталья почти не слушала.

Вечером она ворвалась к Алексею без звонка.

— Они переобулись.

— Что конкретно сказали?

Она пересказала.

— Хорошо.

— Что хорошего?!

— Хорошо, что мы узнали это до заключения.

— Вам всё «хорошо», пока у нас всё плохо.

— Нет. Я просто не могу изменить факт злостью.

— Я знаю, почему они изменились.

— Почему?

— Им предложили больше.

— Кто сказал?

Наталья назвала источник — человек слышал через третьих лиц, что с другой стороны появился влиятельный посредник, давно связанный с экспертной системой.

— Это слух, — сказал Алексей.

— Это правда.

— Возможно.

— Я знаю!

— Нет. Вы верите источнику.

Она смотрела на него почти с ненавистью.

— Вы мне не верите.

— Вам — верю. Но это не превращает чужой рассказ в доказанный факт.

Наталья хлопнула ладонью по столу.

— Иногда ваша честность просто трусость.

В комнате стало тихо.

Алексей выдержал паузу.

— Возможно, — сказал он наконец. — Но если я начну писать в документы всё, во что мы верим, мы проиграем раньше, чем дойдем до сути.

Она вышла, не попрощавшись.

Ночью написала ему сообщение: «Простите».

Он ответил: «Завтра разбираем экспертизу. Не людей».

Заключение, когда оно пришло, оказалось против них.

Подписи и записи были признаны выполненными Родионом.

Наталья прочитала последнюю страницу и почувствовала знакомый холод, который уже испытала после истории с черной сумкой. Только теперь речь шла не о человеке, которому она доверилась сама. На бумаге стояла печать эксперта, предупрежденного об ответственности.

— Всё? — спросила Арина.

Алексей перелистнул назад.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вывод — это последняя страница. Нам нужны все остальные.

И начал читать сначала.

* * *

После отрицательного для наследниц заключения Конев перестал охотно отвечать на звонки.

Наталья несколько раз просила организовать встречу для разъяснений и получала через секретаря: всё изложено письменно.

Именно это злило ее больше самого вывода.

Человек, который до исследования был готов обсуждать признаки, после подписания документа спрятался за документ.

Алексей объяснял:

— Это не нарушение. Эксперт не обязан вести переговоры со стороной.

— Тогда почему до этого вел?

— Вот этот вопрос мне тоже интересен.

Они решили не строить позицию на обиде и сфокусировались на том, что можно показать суду. Так появились первые рецензии.

Наталья впервые увидела, как профессиональная критика отличается от обвинения. Специалист не писал «эксперт куплен». Он писал: «вывод не обоснован такими-то исследованными признаками».

Текст казался слабее эмоционально.

Но юридически был сильнее.

* * *

Через неделю после смены предварительной позиции экспертов Наталья настояла на еще одной встрече с Коневым.

Алексей не хотел идти.

— Зачем?

— Хочу посмотреть ему в глаза.

— Это не метод исследования.

— А мне не для исследования.

В итоге поехал, чтобы разговор не ушел слишком далеко.

Конев выглядел усталым. На столе не было спорных документов.

— Вы должны понимать, — начал он, — предварительное впечатление эксперта не является заключением.

— Я понимаю, — сказала Наталья. — Я хочу понять, какие новые признаки вы увидели.

— Исследование комплексное.

— Назовите один.

Конев посмотрел на Алексея.

— Коллега, объясните клиенту, что так не работает.

— Клиент имеет право задавать вопрос. Вы вправе не обсуждать до заключения.

— Именно.

Наталья сжала руки под столом.

— Хорошо. Тогда другой вопрос. Пять миллионов, которые обсуждались, — за что?

Конев нахмурился.

— Мы обсуждали стоимость комплекса работ.

— Официально?

— Я не помню формулировку.

— Я помню.

Алексей вмешался:

— Наталья Викторовна, достаточно.

В машине она набросилась на него:

— Зачем остановили?

— Потому что дальше началась бы ссора, которая ничего не даст делу.

— Зато я увидела.

— Что?

Она открыла рот и не ответила.

На самом деле увидела только собственное недоверие. Лицо другого человека не является доказательством его мотива.

Это был неприятный, но полезный урок.

* * *

Первая встреча с экспертами была устроена почти как медицинская консультация. На столе лежали документы, вокруг них склонились люди, говорившие словами, которые семье приходилось переводить на обычный язык. «Диагностические признаки», «сравнительный материал», «свободные образцы». Наталье хотелось одного: скажите, его подпись или нет.

Она быстро поняла, что хороший специалист раздражает именно отказом отвечать раньше исследования.

Но в той первой истории раздражало другое: предварительная уверенность появилась слишком быстро, а потом столь же быстро исчезла.

Алексей после встречи был мрачнее Натальи.

— Вам не понравилось, что они сказали про подделку? — спросила она.

— Мне не понравилось, что сказали до работы.

— Но если видно?

— Тогда пусть объяснят, что именно видно.

Наталья была уверена, что адвокат усложняет. Несколько дней спустя, когда тон экспертных разговоров изменился, она вспомнила его лицо.

В профессиональной среде заключение часто воспринимается сторонами как черный ящик: туда кладут документы, оттуда выходит ответ. Но вся ценность экспертизы находится внутри ящика — в том, какие объекты исследовали, какие признаки обнаружили и почему из них следует вывод.

Алексей начал искать специалистов, способных рецензировать методику. Наталья сначала считала рецензию почти мнением недовольного конкурента. Потом увидела, как по строкам разбирается чужая работа: здесь объект описан неполно; здесь вывод категоричнее исследовательской части; здесь непонятно, откуда взят сравнительный материал.

— То есть эксперта можно проверять? — спросила она.

— Нужно.

— А судья сам не проверит?

— Судья юрист. Он проверяет логику и процессуальную сторону, но для специальной методики часто нужны специалисты.

Наталья усмехнулась:

— А специалиста кто проверяет?

Алексей на секунду отложил записи.

— Вот вы и дошли до главной проблемы.

Эта бесконечная цепочка — суд проверяет доказательство, специалист проверяет эксперта, другая сторона проверяет специалиста — сначала казалась абсурдной. Позднее Наталья поняла, что альтернативой является только вера в авторитет. А верой в авторитет она уже заплатила слишком дорого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БУМАГА МЕРТВОГО

Глава 8. Последняя страница

Алексей не любил начинать экспертизу с выводов, но именно так поступают почти все клиенты.

Человек видит в конце: «подпись выполнена данным лицом» — и остальное перестает существовать. Двадцать страниц исследования превращаются в декорацию к одной фразе.

Он читал наоборот.

Какие объекты поступили? Какие образцы? Сколько свободных подписей Родиона использовано? Каких лет? Есть ли документы, выполненные в условиях, сопоставимых со спорными? Как описаны совпадающие признаки? Как объяснены различия? Что делали с технической частью?

Наталья ходила по кабинету.

— Ну?

— Подождите.

— Вы час читаете.

— Там двадцать с лишним страниц.

— Последняя же понятная.

— Последняя должна вытекать из предыдущих.

— А если не вытекает?

— Тогда у нас работа.

Он попросил несколько независимых специалистов дать рецензии не на «неправильный результат», а на методику. Это принципиально. Несогласие стороны ничего не стоит. Несогласие специалиста тоже стоит немного, если оно сводится к словам «эксперт ошибся». Нужно показать место ошибки.

Первые рецензии пришли быстро. Замечаний оказалось много. Недостаточная сопоставимость образцов. Необъясненные различия. Спорные ссылки на иллюстрации. В технической части — вопросы к полноте исследования. Где-то вывод был категоричнее, чем исследовательская часть позволяла.

Наталья читала и торжествовала.

— Я же говорила.

— Что?

— Что они сделали плохо.

— Сейчас у нас есть основания это говорить точнее.

— У вас на всё способ испортить удовольствие.

— Удовольствие в суде мешает.

— Вы родились таким?

— Нет. Суды испортили.

К весне 2021 года стол был покрыт экспертными заключениями, рецензиями и увеличенными копиями подписей. Арина однажды вошла в кабинет и остановилась.

— Такое чувство, что папа стал шрифтом.

На стене висели увеличенные фрагменты его подписи: начало росчерка, петля, наклон, соединение элементов.

Алексей сразу снял листы.

— Извините.

— Я не про вас. Просто странно. Вы знаете, сколько у него было морщин на пальцах?

Он не понял.

— Я тоже не знаю. А теперь мы знаем угол его букв.

Наталья посмотрела на дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.